

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО (ГРАЖДАНСКОГО) ПРАВА

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТРЕТЬИХ ЛИЦ В СТРАХОВАНИИ*

А.Г. АРХИПОВА,

кандидат юридических наук, доцент Исследовательского центра
частного права им. С.С. Алексеева, доцент МГИМО МИД России,
заместитель председателя МАК при ТПП РФ

<https://doi.org/10.24031/1992-2043-2022-22-6-7-54>

В статье рассматривается правовое положение выгодоприобретателей и застрахованных лиц в договоре страхования. Статус застрахованных лиц крайне мало урегулирован в гл. 48 ГК РФ. Положения общей части обязательственного права о третьих лицах к ним также не применяются или применяются с существенными особенностями. В частности, формально на них не распространяется ст. 430 ГК РФ. Однако у застрахованных лиц имеются некоторые права по договору страхования, поэтому положения ст. 430 ГК РФ можно было бы применять к ним по аналогии. В гл. 48 ГК РФ содержится ряд ограничений и запретов, касающихся участия третьих лиц в страховых отношениях определенных видов. В статье показано, что почти все эти ограничения утратили актуальность и могут быть отменены. К таким запретам относятся положения п. 2 ст. 932 ГК РФ о недопустимости включения застрахованных лиц в договор страхования ответственности по договору; п. 3 ст. 933 РФ о запрете на назначение выгодоприобретателей и застрахованных лиц по договору страхования предпринимательского риска. Снятие этих запретов позволит более эффективно развивать страхование ответственности и страхование предпринимательских рисков. Необходимо также положительно ответить на вопрос об участии застрахованных лиц в договоре страхования имущества, хотя о такой возможности в ГК РФ не говорится. В статье предложена классификация третьих лиц в страховании в зависимости от того, имеет ли право

* Автор выражает благодарность Е.А. Суханову за ценные замечания, высказанные в ходе подготовки настоящей работы.

лицо требовать исполнения в свою пользу, может ли оно вытеснить страхователя из страховых отношений, имеет ли обязанности по договору страхования. Выгодоприобретателей предложено разделить на «отзывных» и «безотзывных» в зависимости от способа их назначения. Автор обосновывает точку зрения о том, что у выгодоприобретателя по договору страхования ответственности во всех случаях имеется прямое требование к страховщику о выплате страхового возмещения. У всех третьих лиц по договору страхования имеются определенные права, прежде всего информационные. Они вправе знать о наличии договора страхования, в котором они указаны, о своей замене. За застрахованными лицами следует признавать также право на отказ от своих прав по договору страхования. В настоящее время эти права законодательно не урегулированы, их развитие следует ожидать в рамках судебной практики.

Ключевые слова: страхование; третье лицо; выгодоприобретатель; застрахованное лицо; страхователь; страховщик.

LEGAL STATUS OF THIRD PARTIES IN INSURANCE

A.G. ARKHIPOVA,

PhD in Law, Associate Professor, S.S. Alexeev Private Law Research Center,
Associate Professor, MGIMO University, Deputy Head, Maritime Arbitration Commission
at the Chamber of Commerce of the Russian Federation

The article analyzes the legal status of beneficiaries and insured persons in insurance contracts. The status of insured persons is very scarcely defined in Chapter 48 of the Russian Civil Code. The provisions of the general part of the law of obligations also do not apply to them, or apply with substantial differences. For example, Article 430 of the Civil Code does not formally apply to insured persons. However, as they have certain rights arising out of the insurance contract, it is desirable to apply Article 430 to them by analogy. Chapter 48 of the Civil Code contains a number of restrictions and prohibitions related to third parties. The article shows that almost all of them are no longer required and may be removed. In particular, such unnecessary provisions include paragraph 2 of Article 932, which prohibits that a contractual liability insurance contract would nominate an insured party; or paragraph 2 of Article 933, which does not allow that a contract of financial risks insurance nominate a beneficiary or an insured party. Lifting of these restrictions will allow these types of insurance to develop more effectively. The author also shows that insured persons should be allowed in property insurance contracts,

although the Civil Code does not provide for this. The article proposes a classification of third parties in insurance depending on the following factors: whether a particular third party may claim insurance payment; whether they may step in the shoes of the insured; whether they have obligations arising out of the insurance contract. It is also suggested that beneficiaries should be subdivided into “revocable” and “irrevocable” depending on how they were appointed. The author puts forward arguments in favour of the position that the beneficiary under a liability insurance contract should always have a direct claim against insurer for the payment of insurance compensation. All third parties in insurance have a certain scope of rights. Above all, these are rights to receive information, i.e. to be aware of the existence of the insurance contract, of their status in it, to become aware in case they are substituted. The insured persons should also be acknowledged to be entitled to waive their rights under the insurance contract. As these rights are not regulated by law, the author suggests that the courts should take charge for their implementation.

Keywords: insurance; third party; beneficiary; insured person; insured; insurer.

1. ВВЕДЕНИЕ

Участие третьих лиц является характерной чертой страховых отношений. Помимо сторон (страховщика и страхователя) в них часто вовлечены выгодоприобретатели и застрахованные лица. Выгодоприобретатели участвуют в договорах страхования ответственности, их участие возможно также в страховании имущества, в личном страховании. Участие застрахованных лиц также характерно для личного страхования, в том числе для страхования заемщиков, и страхования ответственности.

Вовлеченность третьих лиц порождает целый ряд практических вопросов. Эти вопросы далеко не всегда могут быть решены на основе имеющегося законодательства, поскольку объем соответствующего регулирования в гл. 48 ГК РФ является весьма незначительным. Применение общих положений ГК РФ об участии третьих лиц в обязательствах также не позволяет разрешить все проблемы, поскольку правовое положение третьих лиц в страховании обладает определенной спецификой.

Правовой статус выгодоприобретателей и застрахованных лиц в страховании существенно различается. Статус выгодоприобретателя подразумевает право требовать исполнения договора страхования (страховой выплаты) в свою пользу. Статус застрахованного лица такого права не подразумевает. Правовое положение этой категории третьих лиц связано с тем, что договор страхования предоставляет им страховую защиту.

Эти различия предопределяют наличие существенных особенностей в правовом положении выгодоприобретателей и застрахованных лиц. Однако во многих

правовых системах имеются также соображения, характерные для обоих указанных выше видов третьих лиц. К ним относятся, например, следующие вопросы:

– являются ли отношения, складывающиеся между третьим лицом, получающим выгоду по договору страхования, и страхователем, уплачивающим страховую премию, отношениями дарения?

– может ли третье лицо повлиять на содержание и исполнение договора страхования?

– допускается ли возложение обязанностей на третьих лиц, не являющихся сторонами договора страхования?

– какие права могут быть предоставлены третьим лицам по договору страхования?

– вправе ли страхователь заменить третьих лиц по договору страхования по своему усмотрению? Обязан ли он учитывать интересы третьих лиц?

Наличие как общих, так и специальных вопросов предопределяет структуру настоящей работы: в ее начале будут рассмотрены общие вопросы, характерные для правового положения выгодоприобретателей и застрахованных лиц, по праву России и зарубежных стран. Затем будут проанализированы особенности правового положения выгодоприобретателей, далее – статус застрахованных лиц.

2. ТРЕТЬИ ЛИЦА В СТРАХОВАНИИ. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

2.1. Россия

В российском праве положение третьих лиц в обязательстве общим образом урегулировано в разд. III («Общая часть обязательственного права») ГК РФ. Из ст. 307.1 ГК РФ следует, что специальные нормы гл. 48 ГК, регулирующие правовое положение третьих лиц в страховании, имеют приоритет над общими положениями ГК. Как будет показано ниже, вопрос о соотношении этих норм имеет важное значение, поскольку специальные нормы, относящиеся к страхованию, в нескольких случаях расходятся с общими нормами ГК РФ.

Согласно п. 3 ст. 308 ГК РФ обязательство не создает обязанностей для третьих лиц и может создавать для них права лишь в случаях, предусмотренных законом, иными правовыми актами или соглашением сторон.

В силу установленной ст. 307.1 ГК РФ «иерархии» норм гл. 48 ГК может содержать – и содержит – некоторые положения, отступающие от общего принципа, предусмотренного в п. 3 ст. 308. Например, ст. 939 ГК РФ прямо предусматривает определенные обязанности выгодоприобретателя, в том числе являющегося застрахованным лицом. Однако в тех случаях, когда обязанность третьих лиц в страховании не предусмотрена специальной нормой ГК РФ, необходимо исходить из того, что на третьих лиц обязанности возлагаться не могут.

Другим примером расхождения общих и специальных положений о статусе третьих лиц являются нормы о замене выгодоприобретателя, содержащиеся в ст. 430 и 956 ГК РФ, соответственно.

В общей части обязательственного права содержится, на наш взгляд, определенное терминологическое противоречие, которое в известной степени затрудняет понимание статуса третьих лиц в обязательстве. С одной стороны, наиболее характерным положением ГК РФ, относящимся к положению третьих лиц, является ст. 430 «Договор в пользу третьего лица». Однако нетрудно заметить, что в этой статье говорится лишь об одном виде третьего лица, а именно о выгодоприобретателе. Это лицо, которое, не являясь стороной договора, вправе потребовать исполнения в свою пользу. Стоит отметить, что по ст. 430 ГК РФ выгодоприобретателю принадлежит не только «основное» право – потребовать исполнения обязательства в свою пользу, но и некоторые дополнительные права. Согласно п. 2 ст. 430 ГК РФ с момента выражения (выгодоприобретателем) своего намерения воспользоваться правами по договору стороны не могут расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия выгодоприобретателя. Таким образом, выгодоприобретатель имеет право давать согласие на изменение и расторжение договора, а при нарушении этого права вправе оспорить изменение или расторжение в соответствии со ст. 173.1 ГК РФ.

Однако очевидно, что как в страховании, так и в иных видах отношений могут участвовать и другие виды третьих лиц. Между тем статус этих других третьих лиц в общей части не урегулирован. Фактически в общей части ГК РФ (за исключением ст. 430) третьи лица упоминаются либо в значении «лиц, не имеющих отношения к обязательству»¹, либо без уточнения того, какую роль они играют в обязательстве.

Например, согласно п. 2 ст. 166 ГК РФ сделка может быть оспорена в интересах третьих лиц. Таким образом, в российском праве признается наличие третьих лиц, которые не являются стороной обязательства, вытекающего из сделки, но чьи интересы сделкой затронуты, что дает таким лицам право оспорить сделку. По смыслу п. 2 ст. 168 ГК РФ третьи лица, чьи права и охраняемые законом интересы затронуты сделкой, нарушающей требования закона, вправе заявить о ничтожности такой сделки. Из ст. 173.1 вытекает, что в обязательствах могут участвовать третьи лица, управомоченные на дачу согласия на совершение сделки. У этих третьих лиц есть право оспаривать сделку по мотиву отсутствия согласия. Статья 308.1 предусматривает такую конструкцию альтернативного обязательства, в котором право выбора исполнения принадлежит третьему лицу (хотя само исполнение при этом производится должником кредитор). Весьма тесную связь третьего лица с обязательством, включающую в том числе и вступление третьего лица в обязательство вместо кредитора, предполагает ст. 313 ГК РФ.

Очевидно особый характер имеет статус залогодателя, передавшего вещь в залог в обеспечение чужого долга, и поручителя. В их случае особенностью явля-

¹ Примерами являются «третьи лица» в представительстве (ст. 189), в отношениях, связанных с «опубликованием» залога (ст. 339.1), п. 1 ст. 406.1, предусматривающий «предъявление требований третьими лицами», и др.

ется возложение на них определенных обязанностей, наличие которых доктринально обосновывается договором поручительства или его аналогом (в случае залогодателя – третьего лица). Эти лица несут риски, связанные с неисполнением основного должника, и могут вступить в основное обязательство, произведя исполнение (или перенеся обращение взыскания на заложенное имущество).

В Общей части ГК РФ можно также встретить примеры случаев, в которых третьи лица не наделяются конкретными правами, однако их связь с обязательством предполагает, что они извлекают из существования и (или) исполнения этого обязательства ту или иную выгоду. На наш взгляд, к таким случаям относится должник, кредиторы которого заключили соглашение о порядке удовлетворения их требований к должнику (ст. 309.1 ГК РФ)¹. В ст. 309.1 говорится, что для должника такое соглашение обязанностей не создает. Потребовать его исполнения должник не может. Но наличие этого соглашения может создавать для должника определенные преимущества. Например, наличие такого соглашения означает, что все кредиторы не предъявят должнику свои требования одновременно, а будут соблюдать определенную очередность. Это повышает шансы должника удовлетворить все имеющиеся требования и избежать банкротства.

Еще одним примером является положение общества относительно корпоративного договора (ст. 67.2 ГК РФ). Общество не является его участником. Однако если исходить из того, что участники общества обязаны действовать не во вред его интересам, то общество может получать некоторые преимущества из-за наличия корпоративного договора. Например, корпоративный договор может сделать управление в обществе более скоординированным, что позволит принимать более обоснованные деловые решения. Интересен объем информационных обязанностей сторон корпоративного договора по отношению к третьему лицу – обществу: участники корпоративного договора обязаны уведомить общество о наличии корпоративного договора, однако не обязаны раскрывать его содержание. Таким образом, общество, не зная о содержании корпоративного договора, лишено возможности настаивать на его исполнении.

Сходным, на наш взгляд, является также положение должника, за которого дано поручительство, должника, в обеспечение требования которого третьим лицом предоставлен залог, а также кредитора, знающего, что по его требованию к должнику у третьего лица имеется обязательство о возмещении потерь. Эти лица не являются сторонами соответствующих обязательств. Они, очевидно, не вправе требовать исполнения обязательств, тем более в свою пользу (например, должник не может требовать исполнения со стороны поручителя). Однако они, безусловно, извлекают выгоду из-за наличия обязательства: например, должник, чье обязательство обеспечено поручительством, может претендовать

¹ Критический взгляд на ст. 309.1 ГК РФ, в том числе на роль должника в соглашении кредиторов, см. в: *Витрянский В.В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2018 (СПС «КонсультантПлюс»).

на более выгодные условия кредитования, нежели должник, чье обязательство поручительством не обеспечено.

Таким образом, уже из Общей части ГК РФ следует, что в разных ситуациях третьим лицам в обязательстве могут быть предоставлены различные права: оспорить сделку, из которой вытекает обязательство; повлиять на способ исполнения обязательства или непосредственно исполнить обязательство; потребовать исполнения в свою пользу; вступить в обязательство, заменив собой одну из сторон; получать информацию о наличии и (или) исполнении обязательства. Отдельно можно выделить ситуацию, в которой третье лицо извлекает определенную выгоду из наличия обязательства, даже не имея каких-либо четко очерченных прав по отношению к одной или обеим его сторонам.

Различный набор прав, которые могут быть предоставлены третьим лицам, и вариативность возложения на них определенных обязанностей и рисков подтверждают необходимость дальнейшей типизации третьих лиц. Хотя в настоящей работе не ставится задача по разработке общей классификации третьих лиц в обязательственном праве, для ее целей все же было бы полезно отметить несколько вариантов такой типизации. Во-первых, третьих лиц можно подразделить на тех, кто имеет право требовать исполнения по договору в свою пользу, и на тех, кто такого права не имеет. Во-вторых, среди третьих лиц можно выделить тех, которые при выполнении тех или иных условий могут заменить собой одну из сторон, вступив в обязательство, и тех, статус которых не предполагает подобной трансформации¹. В-третьих, можно отграничить статус третьих лиц, имеющих конкретные права к одной или обеим сторонам обязательства, от положения третьих лиц, таких конкретных прав не имеющих (во всяком случае в силу прямого указания закона), но имеющих определенный интерес в обязательстве.

Вторую из приведенных выше классификаций уточняет в своей работе А.Ю. Чурилов. Он предлагает разграничить договоры в пользу третьего лица на два вида: в одном из них не происходит замещения стороны, а третье лицо приобретает лишь отдельное правомочие из договора, связанное с требованием исполнения договора; во втором третье лицо, выразившее желание получить исполнение по договору, вытесняет первоначальную сторону и в полном объеме приобретает права и обязанности по договору. В качестве примера первой конструкции приводится страхование ответственности за причинение вреда. Действительно, выгодоприобретатель по такому договору становится известен лишь в момент причинения вреда. По одному договору может наступить несколько страховых случаев, и в случае причинения вреда разным лицам каждое из них станет выгодоприобретателем и получит право требовать исполнения договора (возмещения причиненного ему вреда) в свою пользу. А.Ю. Чурилов отмечает, что появ-

¹ К первой категории относятся лица, исполнившие за должника (ст. 313 ГК РФ), а также, как будет показано ниже, могут относиться застрахованные лица в страховании.

ление одного или нескольких выгодоприобретателей не вытесняет из договора страхователя. Примером второй конструкции, по мнению А.Ю. Чурилова, является договор банковского вклада в пользу третьего лица, где после волеизъявления выгодоприобретателя он приобретает все права кредитора в обязательстве¹.

По нашему мнению, приведенные А.Ю. Чуриловым примеры лишь отчасти соответствуют рассматриваемой классификации (что не отменяет ее правильности). Действительно, страхователь не выбывает из договора страхования ответственности, несмотря на то, что в нем присутствует выгодоприобретатель. Однако в ситуации, когда право требовать исполнения принадлежит одному или нескольким выгодоприобретателям, очевидно, что это же право не может принадлежать страхователю. Следовательно, страхователь, оставаясь стороной договора страхования, в значительной степени утрачивает возможность осуществления права на получение страхового возмещения.

Тем не менее сами приведенные выше варианты общей классификации третьих лиц, как представляется, имеют право на существование и могут быть полезны для уточнения правового положения третьих лиц в страховании.

Приведенные выше общие соображения о правовом положении третьих лиц полезны также тем, что заставляют с определенной долей критики взглянуть на положения п. 3 ст. 308 ГК РФ. Например, подчас право третьего лица на получение информации о наличии и (или) содержании обязательства необходимо для осуществления иных прав, предоставленных третьему лицу. Приведем в качестве примера право третьего лица, дающего согласие на сделку (ст. 157.1 ГК РФ), на получение информации об этой сделке. Очевидно, без получения такой информации третье лицо не может дать согласие или отказать в нем. Конечно, право на оспаривание сделки оно получит и в случае, если сделка совершена без его согласия, не только потому, что оно в этом согласии отказало, но и в случае, если оно не дало согласия, поскольку не обладало сведениями о заключении сделки. Однако для сторон значительно более целесообразно предоставить (хотя бы по запросу третьего лица) информацию о сделке и попытаться получить согласие, нежели рисковать оспариванием сделки по мотиву отсутствия согласия. Таким образом, де-факто право третьего лица на получение информации существует не только в случаях, когда оно прямо предусмотрено законом или соглашением сторон, но и в иных случаях.

Кроме того, для некоторых видов третьих лиц характерно возложение на них определенных обязанностей. Очевидно, что некоторые такие обязанности несут поручитель и залогодатель – третье лицо. Определенный круг обязанностей признается и за третьим лицом, исполняющим обязательство. Например, согласно п. 6 ст. 313 ГК РФ третье лицо, исполнившее за должника обязанность,

¹ Чурилов А.Ю. Договор в пользу третьего лица: вопросы доктрины // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10. № 4. С. 100.

не являющуюся денежной, несет перед кредитором ответственность за недостатки исполнения. Таким образом, в некоторых случаях третьи лица все же могут нести обязанности в связи с обязательством, несмотря на запрет, содержащийся в п. 3 ст. 308 ГК РФ. Определенные объяснения этому можно отыскать. В случае с третьим лицом, исполнившим за должника, это объяснение может состоять в том, что третье лицо уже вступило в отношения с кредитором и стало их стороной. Поручитель и залогодатель, предоставляющие залог (поручительство) в обеспечение чужого долга, очевидно, находятся в тех или иных «отношениях покрытия» с должником. Хотя их обязанности и адресованы залогодержателю (кредитору должника), их можно воспринимать как своеобразное продолжение отношений этого поручителя (залогодателя) с должником. В некоторых случаях подобные обязанности могут восприниматься как кредиторские (ст. 406 ГК РФ). Например, выгодоприобретатель, желающий получить исполнение в свою пользу, очевидно, обязан сообщить реквизиты для получения исполнения. Можно предположить, что запрет, предусмотренный п. 3 ст. 308 ГК РФ, не распространяется на кредиторские обязанности, поскольку в противном случае третье лицо просто не могло бы получить исполнение. Однако, как показано выше, в некоторых случаях отнести обязанности третьего лица к кредиторским затруднительно¹. Объяснение, согласно которому обязанности третьих лиц перед кредиторами основаны на «отношениях покрытия» между кредитором и должником, тоже не всегда срабатывает: как минимум эти «отношения покрытия» могут оставаться неурегулированными. Таким образом, на практике закрепленный в п. 3 ст. 308 ГК РФ принцип относительности, согласно которому лица, не являющиеся сторонами обязательства, не должны нести в связи с ним обязанности, соблюдается не всегда. Объяснения этому явлению существуют, но их вряд ли можно признать единообразными и не всегда они являются достаточно последовательными.

Сделав эти промежуточные выводы, перейдем к краткому анализу правового положения третьих лиц (как в общем, так и в страховых отношениях) в зарубежных странах².

2.2. Германия

В Германии возможность заключения договора в пользу третьего лица прямо закреплена в § 328 Германского гражданского уложения (ГГУ). Согласно п. 1

¹ Ю.А. Тарасенко предлагает считать, что у третьих лиц имеются не только кредиторские обязанности, но и «обязанности по соблюдению достигнутых договоренностей» (Тарасенко Ю.А. Договор в пользу третьих лиц: особенности правовой конструкции // Сделки: проблемы теории и практики: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2008. С. 303).

² Более развернутый сравнительно-правовой, а также исторический обзор по вопросу о договоре в пользу третьего лица см.: Библикова Е.В. Договор в пользу третьего лица в российском и европейском частном праве: сравнительно-правовой обзор // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 12. С. 95–157.

этого параграфа договор может предусматривать исполнение в пользу третьего лица, и третье лицо непосредственно приобретает право требовать исполнения. Эволюция представлений о праве третьего лица потребовать исполнения не входит в предмет настоящей работы¹. Однако следует упомянуть, что возможность заключения договоров в пользу третьих лиц закрепились в немецком праве не сразу. Необходимо было признание того, что из принципа относительности обязательств возможны некоторые изъятия. В литературе отмечается, что одним из «драйверов» включения положения о третьих лицах стала необходимость защитить интересы третьих лиц в договорах страхования, в первую очередь личного, а также страхования ответственности². Общее правило § 328 ГГУ конкретизируется в § 330. Согласно этому параграфу, если договором страхования жизни предусмотрена выплата в пользу третьего лица, в случае сомнения презюмируется, что у третьего лица возникает непосредственное право потребовать выплаты. Согласно § 333 ГГУ третье лицо вправе отказаться от своего права по договору, в этом случае считается, что право не было им приобретено.

Наряду с классической конструкцией договора в пользу третьего лица в немецком праве получила распространение доктрина договора с защитным эффектом в пользу третьего лица (*Vertrag mit Schutzwirkung für Dritte*). Отличие этого типа договоров от договоров в пользу третьего лица состоит в том, что у третьего лица нет права требовать исполнения договора, однако есть право требовать убытки в связи с нарушением договора³. Эту доктрину иллюстрирует судебное решение 1991 г.⁴: сотруднику железной дороги была предоставлена служебная квартира, куда он переехал с семьей. Предыдущий съемщик страдал туберкулезом, однако сотрудники железной дороги не провели надлежащую дезинфекцию в квартире. Дочь сотрудника заразилась туберкулезом. Иск был предъявлен сотрудником и его дочерью. Суд отклонил деликтное требование дочери, поскольку железная дорога не должна была отвечать за упущения своих сотрудников согласно § 831 ГГУ. Вместе с тем суд признал, что у дочери имеется договорное требование к железной дороге на основании § 328 ГГУ. Хотя дочь сотрудника не была стороной договора найма квартиры, но, как указал суд, обязанность собственника квартиры по предоставлению жилья без недостатков распространялась и на родственников квартиросъемщика.

Другим известным делом, в котором суд признал наличие договора с защитным эффектом в пользу третьего лица, было так называемое дело о газовом счетчике. Уборщица, нанятая собственником квартиры, пострадала от взрыва газа,

¹ Подробнее об этом см., напр.: *Schermaier M. Contracts for the Benefit of a Third Party in German Law // Comparative Studies in Continental and Anglo-American Legal History. 2008. Vol. 26. P. 289–290.*

² *Ibid.* P. 293–294.

³ *Fikentscher W. Schuldrecht. 2nd ed. 1969. P. 165.* Цит. по: *Schermaier M. Op. cit. P. 307.* См. также: *Бибикова Е.В. Указ. соч. С. 114.*

⁴ *RGZ 91, 21.* Цит. по: *Schermaier M. Op. cit. P. 306.*

который произошел из-за неправильной установки газового счетчика. У уборщицы не было договора с мастером, установившим счетчик. Однако суд признал, что договор между мастером и собственником квартиры должен иметь защитный эффект в отношении всех лиц, находящихся в квартире.

Таким образом, в немецком праве разграничиваются третьи лица – выгодоприобретатели, имеющие право требовать исполнения в свою пользу, и третьи лица, пользующиеся защитным эффектом договора. У лиц, пользующихся защитным эффектом, отсутствует принадлежащее выгодоприобретателям право требовать исполнения договора в свою пользу. Однако обеим категориям третьих лиц принадлежит право требовать возмещения убытков в случае неисполнения (ненадлежащего исполнения) договора.

Более поздняя судебная практика распространила соответствующее право лиц, пользующихся защитным эффектом, на преддоговорную стадию. Известными примерами являются «дело об овощном листе» и «дело о линолеуме» с похожими фабулами: дети покупателей, пришедшие за покупками вместе с родителями, поскользнулись и получили травмы. Особенностью этих дел было то, что травмы были получены в момент, когда договор, о защитном эффекте которого можно было бы говорить, еще не был заключен. Однако суды удовлетворили притязания истцов, в том числе детей, которые были третьими лицами в отношении еще не заключенных договоров.

Защитный эффект договора может возникать и в отношении третьих лиц, которые не были в нем поименованы и даже не были известны в момент заключения договора. Это подтверждает сложившаяся в Германии судебная практика о взыскании убытков вследствие ошибок, допущенных в экспертных заключениях. Общая фабула таких дел состояла в том, что эксперт по просьбе заказчика готовил отчет о стоимости или иных характеристиках того или иного имущества. Затем покупатель имущества, отличный от заказчика, требовал от эксперта возмещения убытков вследствие упущений отчета. Покупатели ссылались на то, что решения о заключении договора, а также о принятии предложенной цены были ими сделаны на основе соответствующих отчетов. Суды удовлетворяли эти иски, указывая на защитный эффект договора о составлении отчета, несмотря на то, что сторонам договора не было известно о последующем появлении третьего лица, которое сможет воспользоваться защитным эффектом.

В современной немецкой доктрине и судебной практике признается, что концепция договора с защитным эффектом в пользу третьих лиц может быть применена при наличии трех условий. Во-первых, исполнение договора должно влиять на интересы третьего лица. Во-вторых, у кредитора по договору должен быть интерес в защите третьего лица. В-третьих, должник должен знать о первых двух обстоятельствах¹.

¹ Schermaier M. Op. cit. P. 316–317.